

Кот Тихон и новые знакомые

Автор:

[Маша Трауб](#)

Кот Тихон и новые знакомые

Маша Трауб

Приключения кота Тихона

Продолжение истории о музейном коте Тихоне от известной журналистки и писательницы Маши Трауб. В заброшенном доме, где Тихон оказался после того, как убежал из музея, он повстречал красавицу Нору – белую кошечку. А вместе с ней и целую компанию: морскую свинку Марысю, пса Вениамина и сову Владимира Семёновича. А это значит, что невероятные, опасные и головокружительные приключения начинаются!

Для младшего школьного возраста.

Маша Трауб

Кот Тихон и новые знакомые

Серия «Приключения кота Тихона»

Нарисовал Валера Козлов

© Трауб М., текст, 2022

© Козлов В., иллюстрации, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Голос принадлежал кошке. Удивительной и прекрасной. Тихон, всё ещё сонный, застыл всеми лапами и не мог двинуться с места. Свет из окна слепил глаза, и из-за этого света кошка казалась невероятно красивой. Да, мама Тихона слыла красавицей, но эта кошка – абсолютно белая, без единого пятнышка, с прекрасной шерстью и огромными голубыми глазами, казалась... Тихон молчал, не в силах выдать из себя даже жалкого мяуканья.

– Кстати, меня зовут Нора, мы с Марысей, моей подругой, живём вон в том доме. Будем соседями, – как ни в чем не бывало продолжала кошка. – Ну что, можете?

Тихон всё ещё пытался издать хоть какой-нибудь звук.

– Пойдёмте же скорее, пока Марыся не задохнулась, – призвала кошка, – как хорошо, что вы оказались рядом. Мы слышали, как вы приехали, но решили вас не беспокоить. Было поздно, и вы казались совсем потерянным.

– А кто такая Марыся? – наконец, смог выдать из себя Тихон.

- Морская свинка, - объяснила Нора.

- Кто? - не понял Тихон.

- Обычная морская свинка. Неужели вы никогда морских свинок не видели? - удивилась Нора.

- Не видел, - признался Тихон.

- Да, конечно, простите, я всё время забываю, что не все коты знакомы с морскими свинками. Вы к нам откуда?

- Из города, - ответил Тихон, лихорадочно вспоминая, как на одной из картин в музее видел нарисованную свинью, но была ли она морской, он не знал. А котам никто никогда не рассказывал, что свиньи тоже бывают разными.

- А как мы её вытащим? Она же... большая, - сказал Тихон.

- Кто большая? Марыся? - засмеялась Нора. - Она чуть больше мыши. Надеюсь, с мышами вы знакомы? Имеете представление?

- Да, имею, - тяжело выдохнул Тихон.

- Давайте мы вытащим Марысю, а потом поговорим спокойно. А я вам приготовлю завтрак. У нас тут, правда, не городская еда, а деревенская. Но могу предложить вам воробья. Вы любите воробьёв? - Нора явно хотела поторопить Тихона.

- Не знаю. Никогда не пробовал, - признался он.

- Да, да, конечно. Опять я забегаю вперед. Но я раньше тоже не ела воробьёв, а теперь вот - пристрастилась. Даже охочусь. Позволяет сохранять физическую форму.

- Вы охотитесь? - Тихон чувствовал, что сходит с ума. Он смотрел по сторонам - заброшенные дома, высокая трава, сильные запахи, сильнее, чем в городе. Здесь бы понравилось Котовскому.

Но встретить именно в этом месте такую красивую кошку?! Как такое может быть?

Не прошло и суток после его бегства из музея, как он уже встретился с красавицей, которая охотится на воробьёв, и идёт спасать морскую свинку, похожую на мышь. Надо было внимательнее изучать атлас животных в школе. Или пристально рассматривать картины, чтобы успокоиться, как неизменно советовала мама. При любых неприятностях или тяжких раздумьях – иди в зал и смотри на произведения великих художников. Решение придёт само. Сейчас ему бы точно не помешал музейный зал.

Тихон следовал за прекрасной незнакомкой, которая перескакивала через канавы так, что с лёгкостью сдала бы экзамен по полосе препятствий в их школе. Тихон же плюхался в каждую канаву, поскольку смотрел не под свои лапы, а на лапы Норы.

– Ну вот мы и пришли, – объявила кошка, толкнув дверь соседнего дома.

Нора подошла к картонной коробке, из-под которой доносился жалобный писк.

– Марыся, не кричи, я уже вернулась. Потерпи, сейчас мы тебя вытащим!

Коробка вдруг задвигалась и начала убегать.

– Марыся! – Нора запрыгнула на коробку и сердито стукнула по ней лапой. – Не двигайся, если хочешь вылезти. Что? С кем я? С нашим новым соседом. Как зовут? Как вас зовут? – спросила Нора.

– Тихон.

– Тихон. Да, он кот. Да, обычный кот. Ну, может, не совсем обычный. К нам же нормальные животные не попадают, сама знаешь. Послушай, давай мы тебя вытащим и спокойно поговорим. Ты сможешь сама у него спросить всё, что тебя интересует, хотя это и неприлично – мучить расспросами того, с кем только что познакомился.

Коробка громко пищала. Тихон не мог разобрать ни слова, а Нора всё понимала.

– Давайте мы её уже поскорее вызволим, – попросила Нора. – Если вы просунете лапу под коробку и подержите, я помогу Марысе выползти.

Марысю вытаскивать не пришлось. Едва Тихон запустил лапу под коробку и чуть-чуть её приподнял, морская свинка выскочила сама.

– Ой, что так долго? Я чуть с ума не сошла от ужаса! – запричитала Марыся.

– Хоть спасибо сначала скажи, – одёрнула её Нора.

– Спасибо. Я Марыся, а вы Тихон, как я поняла. Очень приятно познакомиться. И как вы к нам в деревню попали? Мы вчера вас видели. Какой-то вы странный, если честно. А вы к нам надолго? Уже со всеми познакомились? А где вы раньше жили? Вы приехали на электричке? Как вам дом? Что вас заставило оставить городскую жизнь? Что-то случилось или так, по велению сердца?

– Все, Марыся, стоп, – решительно оборвала её Нора, – я иду греть молоко и пока не накрою на стол – время завтрака, между прочим, ты будешь молчать. Позавтракаем, а потом поговорим. Успеется ещё. Тихон, если захочет, сам всё расскажет.

Нора ушла на кухню.

Тихон опять стоял, замерев всеми лапами от удивления. Он никогда не видел таких существ, как Марыся. У неё, как и у Норы, была белая шерсть, но глаза не голубые, а красные. Марыся действительно чем-то отдалённо напоминала мышь. На свинью же, которую Тихон видел на картинах художников, точно не

походила.

- Вы так странно на меня смотрите, - рассмеялась Марыся. - Никогда таких, как я, не видели?

- Нет, - признался Тихон.

- А вы меня не съедите? - спросила свинка без всякого страха, скорее шутливо.

- Нет, я вами не питаюсь, - фыркнул Тихон.

- А мышами? - уточнила строго Марыся.

- Тоже нет, - ответил Тихон.

- Вегетарианец, что ли? - ахнула свинка.

- В каком смысле? - не понял Тихон.

- Мясо в пищу не употребляете?

- Употребляю. В виде сосисок и консервов. Я не ем того, с кем разговариваю или мог бы поговорить.

- Это хорошо. Консервов тут нет, а вот воробьёв Нора прекрасно ловит. Вы едите воробьёв? - уточнила светски Марыся, прыская в лапу от едва сдерживаемого смеха.

- Не знаю. Не пробовал, - признался Тихон.

- Ничего страшного. Я раньше не думала, что буду есть зерно и траву. Оказалось, вполне съедобно. Даже вкусно. Молоко терпеть не могла, а теперь пью с удовольствием. Так каким ветром вас сюда занесло? И, кстати, спасибо за моё вызволение. Я всё время попадаю в неприятности. Есть у меня такая особенность, - Марыся перестала смеяться и смотрела на Тихона дружелюбно.

В этот момент Нора позвала всех к столу, который был накрыт для завтрака – воробей, молоко и морковка. Марыся потянулась к морковке и неосторожно наступила на блюдце, опрокинув его на себя.

– Ох, – хрюкнула она, – сегодня прямо утро катастроф.

– Марыся! – закричала Нора.

– Лучше я пойду прогуляюсь, – сказала Марыся, – что-то у меня от переживаний аппетит пропал.

Она побежала к двери, и только в этот момент Тихон заметил, что морская свинка прихрамывает.

– Что с ней? – спросил он у Нору.

– Долгая история.

Они сидели и молча пили молоко. Тихон разглядывал дом и Нору.

– А можно задать вопрос? Если не хотите, не отвечайте, – сказала Нора.

– Как я здесь оказался? – догадался Тихон.

– Да.

– Долгая история, – улыбнулся Тихон.

– Как у всех. У нас тут все с длинными историями собрались. Так что успеете рассказать. Почему вы не едите воробья?

– Не могу. Там, где я раньше жил, смотрел на воробьёв из окна. Они смешно чирикали и купались в лужах. В детстве мне всегда хотелось с ними поиграть.

– Да, я вас понимаю. Кажется, что понимаю. Но у нас тут ничего нет – ни консервов, ни мусорных баков, ни людей. Едим то, что можем добыть сами. Вы

знаете, я даже не думала, что смогу охотиться. Как настоящая кошка. Марыся говорит, что у меня прирождённый талант. А вы – охотник?

– Нет, я скорее защитник.

– Защитник нам тоже не помешает. Надолго вы к нам?

– Не знаю... Вообще не понимаю, как я здесь оказался.

– Значит, лапы привели. А в городе у вас кто-нибудь остался из близких?

– Да, мама... и, надеюсь, ещё один... зверь. Друг моего отца.

Тихон замолчал, Нора тоже.

– Это кажется вам странным, да? Что я дружу с морской свинкой? – наконец, спросила она.

– Да нет. Я вообще с одной мышью дружил. Точнее, начал дружить. И мои родители, как оказалось, с некоторыми мышами были близкими друзьями.

– Да уж, – мяукнула Нора, – а у меня нет знакомых мышей. Были знакомые удав, лошадь, тигр и лев.

– Ничего себе! – искренне удивился Тихон. Удава он никогда не видел, как выглядели лошади знал. Художники любили изображать лошадей. Про львов и тигров он тоже был слышан с детства. Ведь они считались дальними родственниками кошек.

– Мы были коллегами, – грустно заметила Нора.

– Как это? – Тихон не мог себе представить, как можно быть коллегой с лошадью. Коллеги – это ведь те, с кем работаешь. А как кошка могла работать с лошадью? И тем более с удавом или даже львом? Тихон живого льва никогда не видел. Только на картинке.

- Неужели вы меня не узнали? – удивилась Нора.

- Простите, нет, – Тихон не хотел обидеть новую знакомую, но ответил честно.

- Это даже забавно. Обычно я страдала от избытка внимания. То есть вы не знаете, кто я? – уточнила Нора и улыбнулась. У неё была прекрасная, завораживающая улыбка.

- Знаю. Вы кошка. Только очень красивая, – ответил Тихон и покраснел под шерстью, хотя кошки вроде бы не умеют краснеть и уж тем более смущаться. Так считается. Оказалось, очень даже умеют.

- И вы не знаете, кто такая Марыся? – Нора всё ещё улыбалась.

- Морская свинка. Смешная. А что? – ответил Тихон.

- Удивительно. Просто удивительно, – ласково заметила Нора.

- Но вы же мне расскажете? Про это место, про себя, – попросил Тихон, не желая расставаться с этой удивительной кошкой.

- Значит, долой скучные вечера! – радостно воскликнула Нора.

Если бы Тихон не проводил всё время в стенах музея в окружении картин, он бы наверняка узнал и Нору, и Марысю. Они ведь были настоящими звёздами. И знали их буквально все – от котёнка до канарейки. Нора даже по крыше не

могла спокойно погулять – все её узнавали и начинали расспрашивать, как она поживает, что любит, с кем дружит. Просили оставить отпечаток лапы на кленовом листе на память в качестве автографа. Нора, устав от досужего внимания, пыталась прятаться – пачкалась в грязи, надевала плащ до самых лап, но её белоснежную шерсть и особенно глаза не узнать было невозможно. Марыся же имела талант притягивать неприятности. Она и минуты не могла провести спокойно – на неё всё время что-нибудь падало или она сама куда-нибудь падала. И если в сводках о происшествиях упоминалась морская свинка, которая застряла в трубе, потерялась, нашлась и снова где-нибудь застряла, можно было не сомневаться – речь шла о Марысе.

Но это, конечно, не являлось главным. Главное, что Нора с Марысей были очень знаменитыми и очень талантливыми артистками. Они выступали в театре зверей, и именно их любили девочки и мальчики вместе со своими родителями, бабушками, дедушками и домашними питомцами. Посмотрев представление, почти каждая девочка мечтала завести дома такую же кошку, как красавица Нора. А мальчики умоляли родителей купить им такую же морскую свинку, как Марыся. В театре выступали и собаки, и удав, и попугаи, и даже бегемот... Однако, когда на сцену выходила Нора, в зале замолкали и застывали на своих местах даже самые маленькие детишки, которые, как всем известно, не желают сидеть спокойно и тихо. Когда прекрасная кошка на специальных качелях взлетала высоко-высоко, под самый потолок, и оттуда, сделав сальто, спрыгивала вниз, даже самые хулиганистые мальчишки, которых ничем не удивишь, вскрикивали от ужаса и восторга. Нора летела вниз как белая молния, и, казалось, вот-вот разобьётся, но в самый последний момент она мягко приземлялась на все четыре лапы. Такой номер умели исполнять и другие кошки в театре, но лишь Нора могла заставить зрителя замереть и ахнуть, восхищаться кошачьей красотой и грацией. Именно это качество и называется талантом.

Уметь сделать так, как не может никто другой. Превратить трюк в спектакль.

Нора, конечно же, была безусловной звездой. Она не только играла в театре зверей, но и снималась в кино – в роли кошек. Позировала для журналов и рекламировала корм для кошек. Нора выступала в телепередачах о животных, по большим праздникам – в человеческих концертах со своим коронным номером, давала интервью кошачьим печатным изданиям. Её любили все – и звери, и люди. Потому что она была не только красивой, но и удивительно доброй и отзывчивой кошкой. К тому же вела себя совсем не так, как иногда ведут себя звёзды. У неё для каждого котёнка находилось доброе слово, для каждого человека – мурчание. Только один человек не любил Нору – директор театра, Антон Захарович.

Вообще-то Антона – по отчеству его никто не называл – звери не считали директором.

Настоящим директором был его отец – Захар Антонович. Вот его – большого, тёплого, с огромными усами и громким, но ласковым голосом – звери обожали. Нора помнила, как Захар Антонович шёл мимо клеток и стойл, вдруг остановился, схватил своей огромной ручищей за шкуру её – тогда ещё котёнка, – поднёс к лицу, рассмотрел внимательно и вдруг шумно чмокнул прямо в нос.

– Ну ты не кошка, а конфетка! – воскликнул восторженно директор. – Так бы и съел! Красотка из тебя вырастет невероятная! И, по глазам вижу, умная! Звезда!

Захар Антонович ласково прижал Нору к груди, почесал за ухом, после чего аккуратно вернул в клетку и пошёл дальше. Нора так и сидела, не зная, как себя вести, ведь все звери сразу же посмотрели на неё другими глазами. Если Захар Антонович сказал, что малыш непременно станет звездой, значит, так тому и быть. Ещё ни разу не ошибся. У директора нюх был на таланты. Он колесил по городкам и сёлам в поисках зверей. Как правило, забирал их у плохих хозяев, которые не заботились о питомцах, подбирали на улице.

Захар Антонович не просто знал каждого зверя в своём театре по имени. Он понимал и чувствовал животных, будто сам был котом или даже слоном.

Директор был в курсе всего – что любит на завтрак бегемот, какое настроение последние три дня у попугая, болит ли зуб у пуделя, как себя чувствует питон. Ему до всех было дело. Любой артист театра мог запросто войти, вползти или влететь в кабинет Захара Антоновича и, хлопая крыльями, щёлкая клювом или стуча копытом, рассказать о своих проблемах. Захар Антонович понимал все языки – от птичьего до лошадиного – и всегда помогал.

Этот театр создал отец Захара Антоновича – Антон Захарович (такая уж была в их семье традиция – называть сыновей в честь дедов). Именно ему пришла в голову идея собрать в одном месте талантливых животных. Но своего расцвета театр достиг именно при Захаре Антоновиче, который не только принял дело отца, но и полюбил его всем сердцем. Он ведь вырос в этом театре и знал всех зверей с детства. Они росли вместе. Дружили, делились яблоком или печеньем, выслушивали друг друга, поддерживали.

По семейной традиции дело должен был продолжить единственный сын директора – Антон. Захар Антонович с малых лет приучал его заботиться, понимать и любить животных, как когда-то делал его отец. Но маленький Антон зверей не просто не любил, он не мог с ними находиться в одном помещении. На кошек у Антоши оказалась аллергия – он начинал чихать и чесаться. Собак он панически боялся, даже безобидных кудрявых пуделей, хотя его ни одна собака в жизни не укусила. Морские свинки и крысы вызывали у него брезгливость – грызунов Антон не любил особенно. Даже если и брал в руки, как требовал отец, потом надолго запирался в ванной и отмывался с мылом. А от больших животных – тех, кто больше собаки, – и вовсе старался держаться в стороне, считая, что им место в клетке с толстыми прутьями. Птиц Антон вообще терпеть не мог, даже сильнее, чем грызунов. Когда не видел отец, выпускал из клетки попугайчиков или канареек и стрелял по ним из рогатки. Птицы метались, а Антоша, который рос жестоким мальчиком, радовался.

Все звери на всех языках жаловались Захару Антоновичу на Антона. Но тот ничего не желал слышать. Он думал, что такого просто не может быть. Что его сын, названный в честь великого деда, основателя театра, просто обязан любить зверей и продолжить дело – стать директором. Антон, кстати, был не против занять отцовское кресло.

– Вот, подождите, бездельники, – грозился он, проходя мимо клеток для зверей, – займу отцовское кресло, быстро у меня работать начнёте. А то не театр, а курорт. Будете пахать до седьмого пота, а кто не выдержит – отправится на все четыре стороны: отец вас совсем распустил! Ничего, я наведу тут порядок.

– Сынок, звери должны отдыхать так же, как и люди. Они тоже чувствуют усталость, – учил сына Захар Антонович, – им может быть и грустно, и весело. Они болеют. Они умеют любить и страдать. Они верные, преданные, честные, добрые и ответственные, какими люди не всегда бывают.

Антоша только ухмылялся. Усевшись в директорское кресло отца и вооружившись рогаткой, он говорил:

– Вот стану директором, буду устраивать по десять представлений в день, заработаю кучу денег и продам весь театр вместе со зверями. А если никто не купит, то возьму деньги и уеду подальше отсюда. Вот ещё надо – с животными сюсюкаться. Нашли дурака!

Не только звери, но и люди, работавшие в театре, – уборщики, дрессировщики, повара, костюмеры, – видели, что Антоша растёт злым и, что куда хуже, жестоким мальчиком, юношей. Но все так любили Захара Антоновича, что боялись ему об этом сказать. Никто не хотел расстраивать доброго директора, ведь он так верил в сына. А какой родитель не верит? Все понимали, что Захар Антонович больше всех зверей на свете любил единственного сына, в котором видел своё продолжение. Даже зайчихи это понимали. Ведь зайчиха, если к ней в нору забегали другие зайчата, кормила всех – и своих, и чужих. А если ребенок единственный в помете, то на кого же обратить свою любовь, если не на него?

Антоша подрастал, а Захар Антонович старел. И постепенно, поначалу пару раз в неделю, а потом всё чаще, оставлял сына руководить театром. В эти дни житья никому не было – ни животным, ни людям. Антоша кричал и придирался по любому поводу. Зачем зверям столько еды? А меньше нельзя? Зачем им чистая

солома, когда и на старой ещё можно поспать? И так далее, и тому подобное... Мало продано билетов, надо устраивать два и даже три представления в день. Звери плохо работают. Lentяи. Но возвращался Захар Антонович, обходил театр, не пропуская ни одной клетки, и для каждого у него находилось доброе слово. Он гладил, успокаивал, целовал в мокрый нос, жал руку или лапу, спрашивал, смешил, чесал брюхо, ухо... И театр становился прежним – тёплым, добрым и очень-очень хорошим.

Это случилось как раз в тот день, когда в роли директора театра выступал Антон. Он с утра всех замучил придирками. Даже у зверей в ушах звенело от его криков. Марыся выступала с номером, который очень нравился самым маленьким детишкам. О, это был отдельный скандал. Никогда за всю многолетнюю историю в театре не брали денег с малышей – они могли хоть сто раз посмотреть представление совершенно бесплатно. Антон же считал, что это просто разорение для театра. К счастью, в этом вопросе Захар Антонович был твёрд как скала. Малыши могут приходить в театр бесплатно, когда захотят. Ходить, шуметь, кричать и бегать... Так вот, когда объявляли номер Марыси, малышня и даже дети постарше, вставали со своих мест и спускались прямо к сцене, чтобы получше всё рассмотреть.

Морская свинка выезжала на арену на велосипеде и каталась по кругу. Она могла ездить на одном колесе, перепрыгивать через препятствия, крутиться вокруг своей оси. На это представление приходили даже совсем большие мальчики, которые восхищались Марысей. Ведь то, что она умела делать на своём маленьком велосипеде, не каждому взрослому человеку-велосипедисту оказывалось по силам. Есть такие взрослые, которые собираются группами и выполняют разные трюки на велосипедах – съезжают с гор или парашетов, прыгают, скачут... Так вот у Марыси они набирались опыта и подсматривали новые трюки.

Антон считал, что Марыся недостаточно высоко прыгает и должна делать побольше действительно опасных элементов. Но свинка отказывалась. Зачем демонстрировать то, что ещё не отработано? Требуются месяцы тренировок и подготовки до того, как показать зрителям новый номер.

В тот день Антон так замучил её своими придирками, что свинка решила сделать трюк, который у неё не всегда получался на репетициях. Она подпрыгнула, дёрнула велосипед, подбросила, поймала... и в самый последний момент упала. Велосипед упал ей на лапу. Марыся лежала и не могла пошевелиться. С лапкой явно было что-то не так – она её совсем не чувствовала. Но ужаснее было другое – трагедия произошла на глазах у зрителей.

Когда Марысю уносили со сцены, она сквозь туман слышала, как плачут детишки, а мамы их успокаивают. Марысе наложили гипс. Перелом оказался очень серьёзным. Врач запретил ей садиться на велосипед как минимум в ближайший месяц. Ещё два месяца требовались на то, чтобы восстановиться полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/masha-traub/kot-tihon-i-novye-znakomye>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)